

Экспресс-выпуск • Express-issue

2000 № 117

СОДЕРЖАНИЕ

3-9 Малая поганка *Tachybaptus ruficollis*
в Уссурийском крае: рост численности,
новые гнездовые находки, заметки о биологии.
О.А.БУРКОВСКИЙ, С.В.ЕЛСУКОВ,
А.Б.КУРДЮКОВ, В.Б.МАНАЕВ

10-17 Рецензия на книгу
И.В.Карякина, С.В.Быстрых и Л.И.Коновалова
“Орнитофауна Свердловской области”.
В.К.РЯБИЦЕВ, В.А.КОРОВИН,
М.Г.ГОЛОВАТИН, Г.В.БОЙКО,
Г.Н.БАЧУРИН

17-26 Ревизия трясогузковых Motacillidae
авифауны России. Н.Н.БАЛАЦКИЙ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Express-issue
2000 № 117

CONTENTS

- 3-9** The little grebe *Tachybaptus ruficollis*
in the Ussuri Land: increasing in number,
new nest records, notes on biology.
O.A.BURKOVSKY, S.V.ELSAKOV,
A.B.KURDIUKOV, V.B.MANAEV
- 10-17** Review of the "Ornithofauna of Sverdlovsk Region"
by I.V.Karyakin, S.V.Bystrykh and L.I.Konovalov.
V.K.RYABITSEV, V.A.KOROVIN,
M.G.GOLOVATIN, G.V.BOJKO,
G.N.BACHURIN
- 17-26** Revising of the family Motacillidae
in avifauna of Russia. N.N.BALATSKY
-
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Малая поганка *Tachybaptus ruficollis* в Уссурийском крае: рост численности, новые гнездовые находки, заметки о биологии

О.А.Бурковский¹⁾, С.В.Елсуков²⁾,
А.Б.Курдюков³⁾, В.Б.Манаев⁴⁾

¹⁾ Зоологический музей, Дальневосточный государственный университет, Океанский проспект, д. 37, Владивосток, 690000, Россия

²⁾ Сихотэ-Алинский биосферный заповедник, пос. Терней, Приморский край, 692150, Россия

³⁾ Лаборатория орнитологии, Биолого-почвенный институт ДВО РАН, пр. 100-летия Владивостока, Владивосток, Приморский край, 690022, Россия

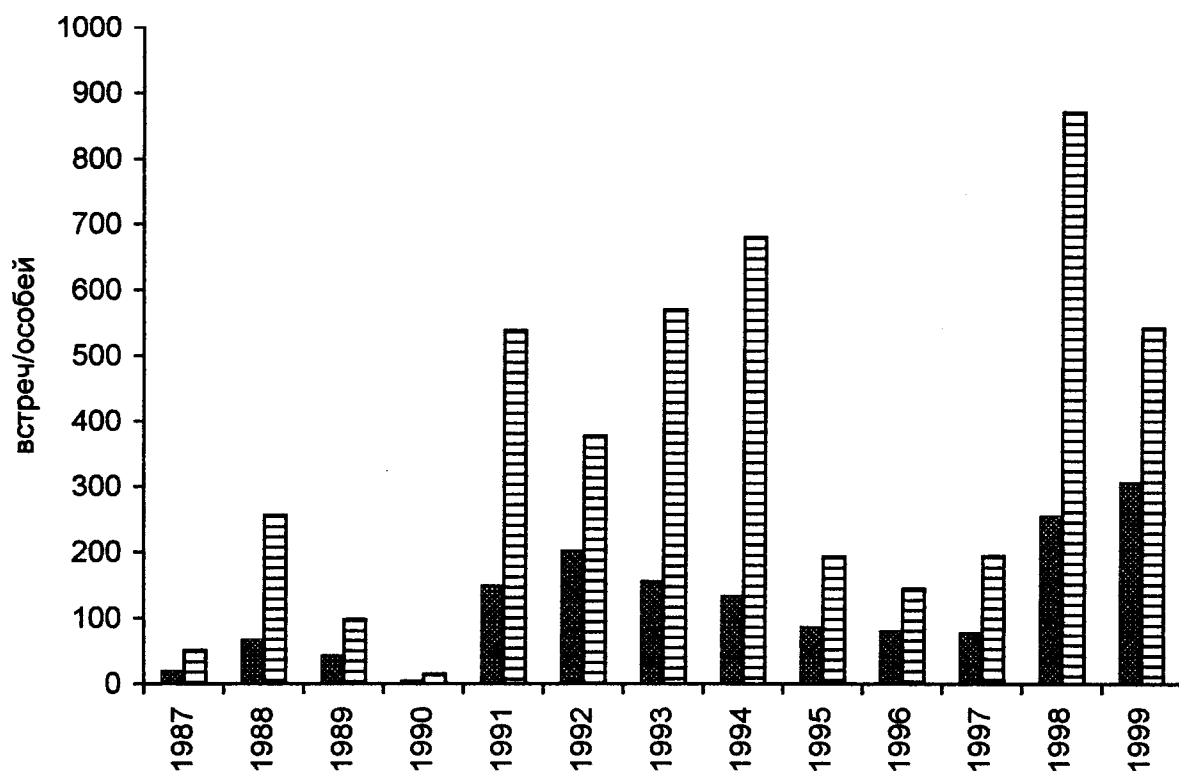
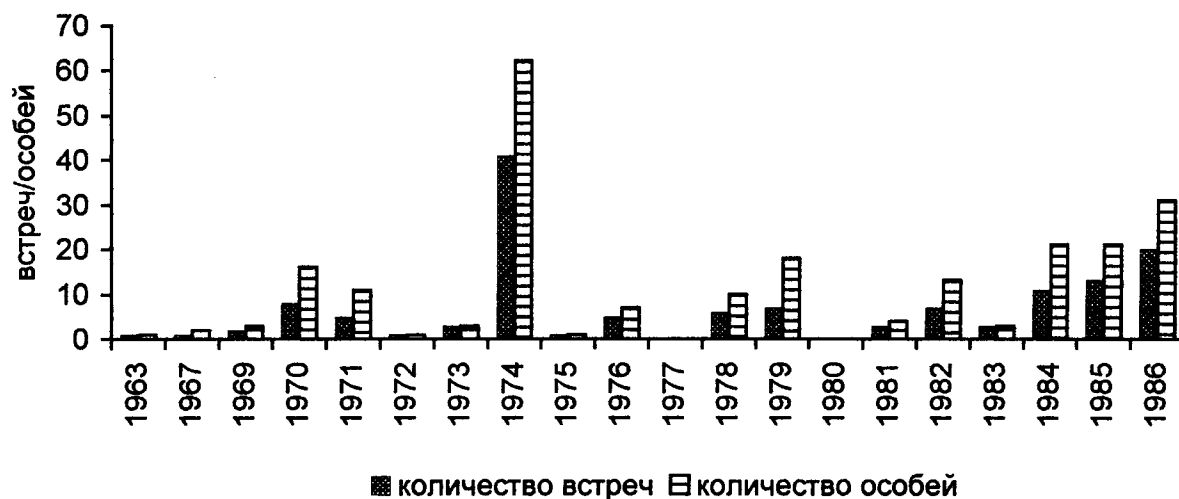
⁴⁾ ул. Тимирязева, д. 11, кв. 6, Находка, 692909, Россия

Поступила в редакцию 11 сентября 2000

На восточной окраине Азии малая поганка *Tachybaptus ruficollis* обычна на гнездовании на Корейском полуострове и на Японских островах (Курочкин 1982). В пределах России она достоверно гнездится на южных Курильских островах (Нечаев 1969).

Характер пребывания вида на континентальной части русского Дальнего Востока длительное время оставался неясным. Редкие встречи в гнездовой период на самом юге Приморья позволяли предполагать возможность гнездования (Лабзюк, Назаров 1967; Назаров, Лабзюк 1975). Однако лишь сравнительно недавно гнездовой статус вида был подтвержден (Сурмач, Попов 1991; Назаров и др. 1996). Поскольку о биологии малой поганки восточноазиатского подвида *T. r. roggei* Reichenow, 1902 какие-либо сведения в отечественной литературе отсутствуют, мы излагаем наши материалы, собранные в последние годы. Уникальные данные о многолетней динамике численности вида в районе Сихотэ-Алинского заповедника собраны С.В.Елсуковым. В работе использована коллекция Зоомузея Дальневосточного университета (12 экз.), Сихотэ-Алинского заповедника (27 экз.) и Биолого-почвенного института (3 экз.).

Насколько можно судить по литературным данным, в первой половине XX в. малая поганка была в Приморском крае большой редкостью. Известны лишь несколько встреч с ней в негнездовой период (Шульпин 1936; Воробьев 1954). Встречи несколько участились с начала 1960-х. (Шибанев 1971; Лабзюк и др. 1971; Елсуков 1974; Глущенко, Шибанев 1977 и др.), что, несомненно, связано с возросшей интенсивностью орнитологических исследований на Дальнем Востоке. Как следует из многолетних наблюдений в Сихотэ-Алинском заповеднике, такое положение сохранялось до 1987, когда малая поганка отмечалась в небольшом числе в море и на водоёмах побережья лишь во время пролёта (см. рисунок). Однако и в этот период численность поганки заметно колебалась по годам.

Динамика встреч малой поганки на северо-востоке Приморья.

Более чем 50 птиц было отмечено в 1974 (62 особи) и 1987 (51 особь). Не отмечался этот вид в северо-восточном Приморье в 1977 и 1980.

Ситуация стала существенно меняться с 1988, когда начался быстрый и неуклонный рост численности малой поганки. В этот период численность поганки, отмечаемой преимущественно на осеннем пролёте, возросла примерно в 35-40 раз. Исключением был 1990, когда зарегистрировано 6 встреч с 15 особями. Таким образом, можно констатировать, что в настоящий момент мы имеем дело с ярко выраженным осенним пролётом малой поганки на северо-востоке края. Последнее обстоятельство можно трактовать в рамках предположения о более широком её распространении на севере, чем сейчас известно. Отметим, что это согласуется

с общей картиной продвижения на север границ европейской части ареала вида в XX в. (Курочкин 1982). Тот факт, что сравнительно недавно за короткое время было доказано гнездование малой поганки сразу в нескольких пунктах Уссурийского края, на наш взгляд, также является следствием невиданного прежде роста численности малой поганки. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что на зимовках вид стал регулярно отмечаться лишь с начала 1990-х.

Гнездование малой поганки мы обнаружили в следующих местах на морском побережье края. На восточном побережье Приморья, в Сихотэ-Алинском заповеднике, оно было впервые подтверждено фактом находки выводка 20 и 21 августа 1992 на оз. Благодатное. Выводок состоял из 3 птенцов, величиной почти вдвое меньше взрослой птицы. Брачные демонстрации наблюдались на этом же озере 14 ноября 1999. В южном Приморье гнездящиеся пары малых поганок найдены в 1999 на трёх небольших озёрах, расположенных на разных участках морского побережья. Озёра мелководны, с илистым дном и богатой прибрежной и водной растительностью; их площадь около 0,5, 0,8 и до 6 га. Два из них отделены от моря узким перешейком в 30-40 м. Две пары малых поганок наблюдали на озере побережья бухты Калевала в южной части Хасанского р-на 28-30 мая. Одна пара строила гнездо, вторая насиживала кладку из 3 яиц. Гнёзда располагались в 3 м от берега. На другом озере в окрестностях заповедника "Кедровая Падь" 28 мая наблюдали поганку, строившую гнездо в 40 м от берега, на краю заросшей травой мелководной части озера, граничащей с глубокой водой. 6 июня гнездо было уже завершено и представляло собой конусовидную постройку, возвышающуюся на 6 см над водой. По-видимому, в гнезде находилась кладка, хорошо укрытая сверху, поскольку при повторном посещении 24 июня на его дне была обнаружена скорлупа, а на свободном плёсе плавали оба родителя, водившие по одному крохотному пуховичку (насколько удалось увидеть). При посещении озера 20 июля неожиданным оказалось то, что гнездо было несколько подновлено и вновь занято поганками. В гнезде находилась насиженная кладка из 5 яиц, хорошо укрытая свежей растительностью. На следующий год одна пара поганок вновь загнездилась на этом озере. 27-29 июля отмечены две взрослые и три линяющие в гнездовой наряд молодые птицы, величиной в 2/3 взрослой. Третья встреча с малыми поганками произошла 26 июля на сильно заросшем растениями оз. Камышовое, искусственного происхождения, на побережье бухты Рифовой в 22 км к востоку от Находки. Пара взрослых с 6 разновозрастными птенцами плавала на открытом участке озера, три птенца были в два раза меньше родителей и, в свою очередь, почти в два раза крупнее мелких птенцов. Взрослые кормили птенцов, кладя корм перед ними на воду. Здесь же пара малых поганок наблюдалась в августе следующего года.

Для строительства гнёзд малые поганки использовали материал, имеющийся на озёрах. Затопленная часть одного гнезда состояла из прошлогодних растительных остатков вперемешку с пузырьчаткой, в то время как надводная — целиком сложена из свежей растительности. Другое гнездо было построено из прошлогодних растительных остатков, в част-

ности, более чем на половину состояло из листьев рогоза с включениями незначительного количества живых растений пузырчатки. Строившееся гнездо состояло из того же материала со значительной долей живой пузырчатки, в 4 м от него находилась платформа, на 60% состоявшая из пузырчатки. Глубина озера в месте расположения гнёзд составляла 60–80 см. Гнёзда обычно плавающие, одно гнездо было “заякорено” растениями, прикреплёнными ко дну водоёма. Размеры двух гнёзд, мм: диаметр гнезда 270 и 298, диаметр лотка 95 и 114, глубина лотка 25 и 31, высота гнезда над водой 40 и 55, общая высота гнезда 270 и ?. На время оставления гнезда поганки тщательно закрывали яйца в гнезде. Размеры яиц, мм ($n = 8$): $23.5\text{--}27.0 \times 35.5\text{--}39.0$, в среднем $25.7 \pm 0.4 \times 37.1 \pm 0.4$. Масса слабо насиженных яиц, г ($n = 3$): 11.9, 12.6, 11.4.

Помимо малых поганок, на всех трёх озёрах держались камышницы *Gallinula chloropus*, на озере на побережье бухты Калевала гнездилась парочка *Podiceps cristatus*, на озере недалеко от устья р. Кедровая — по паре амурских волчков *Ixobrychus eurhythmus*, чёрных *Anas poecilorhyncha* и обыкновенных *A. platyrhynchos* крякв. Здесь наблюдали антагонистическое поведение малых поганок по отношению к камышницам на своих гнездовых территориях.

На пролёте в Приморье малая поганка наиболее заметна в осенний период. Встречаются одиночные птицы, пары и мелкие группы. Судя по датам встреч, опубликованным в литературе, собственным наблюдениям, а также датам добычи коллекционного материала, основной пролёт малой поганки в континентальной части края проходит в октябре. В прибрежных районах она встречается до конца ноября, а в поздние зимы — даже в начале декабря. Мы наблюдали 6 несомненно пролётных малых поганок, державшихся на Богатинском водохранилище под Владивостоком

в течение ноября и встреченных также 2 декабря 1994. Л.М.Шульпин (1936) сообщает об экземпляре, купленном на базаре Владивостока зимой 1927. В северо-восточном Приморье наибольшее число встреч с малой поганкой отмечено в октябре — 71% особей (см. таблицу), т.е. во время осеннего пролёта, и уже существенно снижается в ноябре — 26%. Видимо, в силу случайных причин малая поганка не отмечалась в предгнездовой период (в марте) и в гнездовой (в июне и июле). Зимой (декабрь–февраль) малая поганка впервые отмечена на одном из незамерзающих ключей в окрестностях пос. Терней 19 декабря 1981. Затем она зимовала здесь в 1989, 1991, 1994, 1995, 1998 и 2000. Зимовка малых поганок на Приморском водохранилище под Лучегорском впервые отмечена в 1995 (Бурковский 1996). С тех

**Сезонная динамика
встреч малой поганки
в Сихотэ-Алинском
заповеднике
(1963–1999)**

Месяц	Число встреч	Число особей
Январь	7	13
Февраль	4	9
Март	0	0
Апрель	17	21
Май	4	8
Июнь	0	0
Июль	0	0
Август	5	17
Сентябрь	4	7
Октябрь	1029	2923
Ноябрь	175	1066

пор на водоёме ежегодно отмечается зимовка от 10 до 30 особей. Периодически малая поганка зимует на другом незамерзающем водоёме-охладителе около Партизанска, Лазовском водохранилище, где 24 февраля 1996 и 1 января 1997 отмечено 16 и 5 птиц, соответственно. Отлёт малых поганок с Лазовского водохранилища происходит очень рано: 18 марта 1996 их уже не было. На Приморском водохранилище птицы появляются в третьей декаде октября, отлёт происходит поздно — в последних числах апреля-начале мая.

В конце зимы начинают формироваться пары. В середине февраля 1997 на Приморском водохранилище отчетливо выделялись две пары, изредка птицы издавали трель. У самца от 8 апреля 1997 семенники были увеличены: левый 6.9×4.5, правый 8.9×4.9 мм. Хорошая кормовая база этого водоёма способствует успешной зимовке малых поганок. Птицы, добытые 8 апреля и 1 февраля 1997, имели большие запасы жира. Их желудки были набиты ракообразными — пресноводными креветками *Pineus japonicus*. В очень незначительном количестве, насколько удалось рассмотреть, птицы иногда поедают мелкую рыбёшку. Как правило, поганки ныряют за добычей около берега, с наступлением сумерек кормёжку прекращают и сбиваются на ночёвку в стайку. У самца, добытого 13 октября 1998 на р. Илистая, в желудке обнаружены остатки пресноводных креветок, небольшое количество костей мелких рыб и хитин насекомых. У самца от 24 октября 1998 из Хасанского р-на в желудке находились перья и ракообразные — амфиподы.

Линька большинства малых поганок в зимний наряд происходит, по видимому, на местах гнездования в августе-сентябре и завершается в период кочевок и пролёта. Так, молодые самцы (4 экз.), добытые в пролётное время, в октябре, имели растущее перо на груди, боках тела, брюхе и некоторые — на голове и верхней части спины и плечах. У молодого самца от 6 октября 1969 интенсивно росло перо на груди, боках тела, шее, подбородке, боках головы, закончился рост пера верха головы и спины, на боках ещё сохранилось ювенильное перо. У 7 взрослых самцов, добытых во второй половине октября, интенсивно линяло контурное перо на теле, голове и шее. У 5 из 7 самок также продолжался интенсивный рост контурного пера, а у 2 из них — слабая линька этого пера. В ноябре доля растущих перьев у птиц уменьшается. Из 7 самцов, добытых в ноябре, тёмные пеньки в заметном количестве встречались лишь у одного, добытого 3 ноября 1974; у самца от 16 ноября 1995 рост контурного пера закончен; у остальных отмечена слабая линька этого пера. Однако даже у самца, добытого 27 ноября 1984, отмечены отдельные растущие перья на груди и боках тела. У 3 самок в ноябре зарегистрирована слабая линька пера на теле, шее и голове. После завершения линьки в брачный или зимний наряд у птиц продолжается незначительная смена мелкого пера текущего наряда. Из 3 зимующих самцов лишь у одного были обычные линные перья на шее и плечевых птерилиях, у одной из зимующих самок рост контурного пера закончен. Самка от 1 февраля 1997 имела растущее зимнее перо на голове, шее, плечах и боках тела. Самец и самка в брачном наряде, добытые, соответственно, 10 июня 1964 и 22 июля

1971, имели растущее перо на всех участках тела, маховые оставались старыми. Растущее перо составляло порядка 5-10%. Частичная предбрачная линька начинается у отдельных особей на Приморском водохранилище в конце февраля, у основной массы птиц она проходит в конце марта-апреле. Птица, наблюдавшаяся в феврале 1996, выделялась хорошо заметным жёлто-зелёным пятном в основании клюва и более тёмной окраской щёк. У самки от 3 марта 1989 шла линька контурного пера: тёмные пеньки были многочисленны сверху на голове, шее; чуть меньше их было на боках груди, спине и брюхе. Во второй половине марта у многих особей наметились незначительные изменения в окраске: появилось больше охристого цвета на щеках, шее, потемнели бока, но окончательный наряд птицы приобретали в апреле. У самца от 8 апреля 1997 заканчивался рост пера на боках тела, голове, шее, груди, в основании клюва было пятно, на горле ещё оставалось 20% зимних перьев. В конце апреля все поганки уже находятся в брачном наряде. Однако бывают и исключения: отстрелянная 24 апреля 1994 особь имела зимний наряд.

Размеры птиц, добытых в Приморье, мм — самцы ($n = 22$): длина клюва 18.0-22.1, в среднем 20.5; длина крыла ($n = 24$) 101.9-116.5, в среднем 109.6; длина цевки 30-40, в среднем 36.8; самки ($n = 16$): длина клюва 16.5-22.0, в среднем 19.17; длина крыла 100.5-112.0, в среднем 105.6; длина цевки 33.4-40.1, в среднем 35.7. Хотя размеры перекрываются, самки заметно мельче самцов. Масса тела самцов, добытых в пролётное время ($n = 15$): 158.0-290.5, в среднем 193.2 г. Масса тела самок, добытых осенью ($n = 10$) 172-220, в среднем 189.9 г; масса самки, добытой в первых числах марта — 142 г, летом — 209.5 г, зимой — 240 г. Если рассматривать упитанность поганок по 5-балльной системе, то она для самцов в осенний период ($n = 12$) составила 3-4.5, в среднем 3.8 балла. У самцов, добытых в зимний период ($n = 3$), — 2-5, в среднем 3.5 балла. Упитанность самок в осенний период ($n = 11$) — 3.5-4.5, в среднем 4 балла. Упитанность одной самки в марте оценена в 3 балла.

Длительное время в Уссурийском крае малая поганка оставалась исключительно редким видом, находящимся здесь на периферии ареала. Вероятно, её распространение было ограничено крайним югом, где редкие находки в гнездовой период позволяли предполагать возможность гнездования еще в конце 1960-х. В местах гнездования малая поганка держится очень скрытно, но становится более заметной во внегнездовое время. Поэтому очень показателен наблюдаемый в районе Сихотэ-Алинского заповедника с 1988 стремительный рост численности малых поганок, отмечаемых преимущественно на осеннем пролёте. Скорее всего, в этот период и произошло широкое заселение поганкой Приморского края. Подтверждением тому служат несколько независимых находок гнёзд и выводков, и случаи регулярной зимовки поганок, отмечаемые с начала 1990-х. Пока рано судить о вероятных причинах наблюдаемого роста численности — происходит ли это за счёт внутренних резервов местной популяции или причина кроется в перераспределении популяций на местах гнездования в связи с интенсивными антропогенными преобразованиями в северо-восточном Китае, аналогично ситуации с чомгой

(Литвиненко, Шибаев 1999). Следует отметить, что несмотря на наблюдаемый рост численности, малая поганка всё ещё остаётся редким гнездящимся видом Приморского края. Поэтому она включена в готовящуюся в настоящий момент к печати “Красную книгу Приморского края”.

Литература

- Бурковский О.А. 1996. Зимовка водоплавающих птиц на Лучегорском водохранилище (Приморский край) // *Птицы пресных вод и морских побережий юга Дальнего Востока России и их охрана*. Владивосток: 232.
- Воробьев К. А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-260.
- Глушченко Ю. Н., Шибнев Ю. К. 1977. Новые данные о редких птицах Приморья // *Тез. докл. 7-й Всесоюз. орнитолог. конф.* Киев, 1: 49-50.
- Елсуков С.В. 1974. Некоторые дополнительные сведения о птицах Среднего Сихотэ-Алиня // *Орнитология* 11: 371.
- Лабзюк В. И., Назаров Ю. Н. 1967. О редких и новых птицах Южного Приморья // *Орнитология* 1: 363-364.
- Лабзюк В. И., Назаров Ю. Н., Нечаев В.А. 1971. Птицы островов северо-западной части залива Петра Великого // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 115-121.
- Курочкин Е.Н. 1982. Отряд Поганкообразные Podicipediformes // *Птицы СССР: История изучения, Гагары, Поганки, Трубноносые*. М.: 289-351.
- Литвиненко Н.М., Шибаев Ю.В. 1999. Новые орнитологические находки и наблюдения на крайнем юго-западе Приморья // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 71: 9-16.
- Назаров Ю. Н., Лабзюк В.И. 1975. К орнитофауне Южного Приморья // *Орнитологические исследования на Дальнем Востоке*. Владивосток: 268-276.
- Назаров Ю. Н., Казыханова М. Г, Куринный В. Н. 1996. Заметки о гнездящихся водоплавающих и околоводных птицах южного Приморья // *Птицы пресных вод и морских побережий юга Дальнего Востока России и их охрана*. Владивосток: 103-119.
- Нечаев В. А. 1969. *Птицы Южных Курильских островов*. Л.: 1-246.
- Сурмач С.Г., Попов А.В. 1991. Орнитологические находки на Приханкайской низменности // *Флора и фауна Приморского края и сопредельных регионов*. Уссурийск: 223-224.
- Шибаев Ю.В. 1971. Орнитологические находки на юге Приморья // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 213-214.
- Шульпин Л.М. 1936. *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья*. Владивосток: 1-360.

Рецензия на книгу**И.В.Карякина, С.В.Быстрых и Л.И.Коновалова****“Орнитофауна Свердловской области”****В.К.Рябицев¹⁾, В.А.Коровин²⁾, М.Г.Головатин¹⁾,
Г.В.Бойко³⁾, Г.Н.Бачурин⁴⁾**¹⁾ Институт экологии растений и животных Уральского отделения

Российской Академии наук, ул. 8 марта, д. 202, Екатеринбург, 620144, Россия

²⁾ Кафедра зоологии, Уральский государственный университет,
ул. Ленина, д. 51, Екатеринбург, 620083, Россия³⁾ Орнитологическая лаборатория Бойко, а/я 54, Екатеринбург, 620137, Россия⁴⁾ Ирбитский лесхоз, ул. Мира, д. 56, г. Ирбит, Свердловская область, 623800, Россия.*Поступила в редакцию 18 октября 2000*

Поскольку мы уже были знакомы с предыдущими монографиями И.В.Карякина (1998а, 1998б, 1998в), читали отзывы о них (Шепель 1999; Морозов 2000) и даже участвовали в их написании (Шепель и др. 2000), то книгу о птицах Свердловской области уже ждали с интересом и нетерпением, заранее предполагая, что она может из себя представлять. И можно сказать, что в целом наши предположения оправдались.

Сразу обращает на себя внимание карта маршрутов экспедиций на стр. 9. Длина этих маршрутов превышает 12 тыс. км. Большая часть — это водные маршруты, пройденные сплавом по рекам. Реки на равнинной (большей) части области извилисты, их реальная протяжённость в 3-5 раз больше, чем изображено на мелкомасштабных картах. Если взять 3-кратную поправку на меандрирование, то получится, что только транзитные маршруты составили 36 тыс. км. За 10 лет авторы (3 рабочих группы) отработали в общей сложности 979 дней (табл. 1). Следовательно, они должны были проходить в день в среднем около 36 км. Пеших маршрутов очень немного (по горам), ими можно пренебречь. Однако, только для картирования мест гнездования оляпок (карта 18 на стр. 239) надо было пройти несколько тысяч километров по горной местности.

Больших рек в области нет, средних немного. Большинство — это малые реки с лесными завалами, к середине лета мелеющие и непроходимые даже для резиновых лодок. Зимой они замерзают. Для того, чтобы начать обследовать каждую из речек, надо было попасть в её верховья, т.е. требовалось несколько сотен забросок, большинство из них — в труднодоступные места, на вертолёте. Кто имеет опыт экспедиционных переездов и имел дело с авиацией, знает, что нередко значительная, если не подавляющая часть полевого сезона тратится на сидение в аэропортах или в конечных пунктах маршрутов в томительном ожидании свободного борта или лётной погоды. Мы в своих расчётах совсем не “отнимали” у авторов дней, которые они могли потратить на переезды и заброски, потерять из-за организационных неувязок с наёмным транспортом: воз-

душным, водным или наземным,— либо пережидая в палатках плохую погоду, устраняя неисправности с лодками. Или были вынуждены сокращать рабочий день из-за гнуса, когда вокруг практически ничего не видно и не слышно за пеленой гудящих и мельтешащих насекомых. А без этого полевой работы не бывает. Так что в реальные “ходовые” дни нужно было проходить не по 36 км, а в 2-3 раза больше.

В общем, будь наши исследователи даже суперменами, они вряд ли могли за обозначенное время пройти все те маршруты, которыми так щедро разрисовал карту И.В.Карякин. Но если даже и могли, и прошли, то собственно на орнитологические исследования они времени иметь явно не могли — ни на радиальные маршруты, ни на площадные учёты, ни, тем более, на поиски гнёзд или выводков.

Если учесть, что гнездовое время — это в основном май, июнь и часть июля, то примерно половина поездок (табл. 1) была почти бесполезна для авифаунистического обследования. И каждый орнитолог знает, что нет такого времени в году, когда можно успешно проводить учёт и “ранних” (к примеру, сов, дятлов) и “поздних” птиц (пастушки, сверчки, камышовки...). И время токования, и сроки гнездования у разных видов разные. Любой разовый “проход” ущербен.

Однако, подсчитаем. В книге приведены данные по 15 тысячам гнёзд с кладками и подсчитано число птенцов в 37300 выводках. Т.е. за 415 рабочих дней в гнездовой сезон каждая группа проходила транзитным маршрутом (в основном по воде) упомянутые 36 км, и в тот же день эта группа находила 36 гнёзд с кладками, подсчитывала птенцов в 90 выводках (в т.ч. и в гнёздах). Причём каждое гнездо было описано в полевом дневнике (иначе откуда эти описания в книге?). Сколько времени надо тратить на обследование и описание гнёзд ежедневно, если учесть, что многие из них на деревьях, среди труднопроходимых болот и т.д.?.. А ещё были отлов паутинными сетями, фотографирование... Всё это тоже требует немалого времени. Была также оценка интенсивности пролёта через “учетные точки” — вовсе стационарная работа.

Авторы нашли 113 гнёзд большого кроншнепа, 52 гнезда среднего кроншнепа. Нашли 32 гнезда белой куропатки, обследовали 112 дупел седого дятла, встретили 16 выводков серой неясыти. А ведь все эти птицы — редкие и очень редкие в Свердловской области.

Авторы умудрились найти 22 гнезда гаршнепа! У нас в области это единично встречающийся вид. Столько гнёзд этого кулика не найдено за всю историю отечественной орнитологии. В.В.Леонович (пожалуй, самый большой знаток гаршнепа в России) говорил, что если он услышит токование гаршнепа, ему надо всего (!) несколько дней, чтобы найти гнездо. А ведь это он говорил о самых гаршнепиных местах!

Найдено также 25 гнёзд с кладками и 66 выводков синехвостки — тоже весьма сложно находимого вида.

Кто хоть немного работал в лесу, знает, как редко удаётся найти гнездо вальдшнепа, даже в тех местах, где он обычен. На счету самых опытных и везучих “лесных” орнитологов таких находок единицы, а то и ни одной. А вот И.В.Карякин и соавторы нашли 114 гнёзд вальдшнепа!

Самый большой специалист по пеночке-таловке С.В.Шутов при специальных исследованиях и изощрённых поисках за 9 лет нашел около 50 гнёзд с кладками, а авторы рецензируемой книги между делом, попутно, описали 99 гнёзд. И нашли 37 гнезд короля! Подобных примеров фантастической продуктивности в поисках гнёзд ещё множество.

Не менее любопытно обстоит дело с подсчётом птенцов в выводках. Авторы успешно считают птенцов даже у таких “птиц-невидимок”, как погоньш (6 выводков), гаршнеп (14), обыкновенный сверчок (75), пятнистый сверчок (193), речной сверчок (150 выводков). Между тем, даже у таких относительно открыто держащихся птиц, как чибис, чтобы подсчитать птенцов в выводке, надо тихо просидеть с биноклем где-то в отдалении полчаса-час. Это значит, что И.В.Карякин не только не считал птенцов в выводках, но даже и не пытался. Он не знает, как искать гнёзда большинства из описанных им птиц. Иначе он не стал бы столь щедро наводнять свою книгу подобными “цифрами”.

Очень короткий очерк о корольковой пеночке — концентрат неудачно придуманных “фактов”: “17 мая 1994 г. одна особь в стайке из 36 таловок и 2 зарничек наблюдалась на оз. Толкорп (Пелымский водноболотный комплекс).” (с. 279) Даже если кто-то видел такое необычное явление, как скопление (не стая!) пеночек, невероятно, чтобы он сумел точно подсчитать в этом шмыгающем в кустах скопище их точное число. Стай же именно таловок никто и никогда не видел, тем более — в конце миграционного пути. В пределы Урала и прилегающей части Западной Сибири таловки прилетают около начала июня, но никак не 17 мая. Наконец, на фотографии изображена не корольковая пеночка.

Еще о фотографиях. На с. 164 помещён фотоснимок “гнезда черноголового чекана с яйцом глухой кукушки”. Действительно, в гнезде очень крупное яйцо с густым интенсивным опятнением. Очевидно, И.В. просто не знает, что у глухой кукушки яйца всегда имеют белый фон скорлупы (а не голубой, как в тексте Карякина), они отличаются от яиц обыкновенной кукушки размерами, формой, слабым крапом или полным его отсутствием, и паразитируют глухие кукушки на пеночках.

Вообще же, если говорить о фотографиях в книге, то большинство снимков сделано, конечно же, не в пределах Свердловской области. Но это, по сравнению с другими вольностями автора, — мелочи.

Как правило, даты и пункты, указанные в видовых очерках, совпадают с теми, что указаны во вводном разделе (в более ранних книгах И.В. Карякина такое совпадение встречается редко). Но для чёрного аиста сделано исключение: находки нескольких гнёзд (впервые в области!) указаны не там и не тогда, где и когда, судя по разделу “Методика...”, работали авторы. Очевидно, что этих уникальных находок просто не было.

Надо сказать, никто из орнитологов не “открыл” в области столько новых видов, сколько авторы рецензируемой монографии. При этом бросается в глаза такая закономерность в их “открытиях”. Если какой-либо вид был ранее встречен кем-то из орнитологов один или несколько раз, то у авторов он уже значится как регулярно залётный или даже уже гнездящийся. Исключений мало, среди них — авдотка, которая ранее попала

на Средний Урал явно случайно, и “находить” этих самых авдоток в большом числе авторы, очевидно, посчитали нелепым. Если какие-то сибирские виды хотя бы раз встречены в Европе, то они встречены и в Свердловской области Карякиным и соавторами. Здесь логика проста: мимо Урала в Европу не пролетишь!. В рецензируемом сочинении все виды на один-два порядка многочисленнее, чем считалось ранее. Хорошо видно, что И.В.Карякину очень хотелось показать свое превосходство во всём и над всеми его предшественниками.

Карты, приведённые в монографии, — хорошие документы для разоблачений. Например, И.В. “посадил” гнездо скопы в Висимский заповедник, прямо в устье р. Сулём, где много лет работает и просто ходит мимо Е.Г.Ларин, где нет даже сколько-нибудь существенного водного зеркала, а сама скопа всего несколько раз встречена за все годы. Самих же “карякинцев” в Висимском заповеднике вообще никто не видел. (Кстати, похожая история была с гнездом беркута в Башкирском заповеднике: И.В.Карякин (1998а) обозначил в своей сводке по Башкирии жилое гнездо именно там, где очень часто бывала и бывает, “не видя” гнезда, орнитолог заповедника З.Т.Багаутдинова. Правда, Зульфия Талгатовна встречалась с Игорем Вячеславовичем и его спутником, но общения, ответов на вопросы, обмена опытом и совместной экскурсии с ними не получилось, они были, как выразилась З.Т., “глухо закрытыми”).

Мы хорошо знаем, что в тех местах, где работают орнитологи, население, особенно охотники, егеря, лесники, как правило, замечают и долго помнят орнитологов из-за необычности их занятий: шастают везде с биноклями, лазят по гнёздам, ловят, стреляют, нанимают вертолёты. Но никто нигде в области не помнит авторов рецензируемой книги или просто кого-то похожего примерно в этих местах и в это время.

Есть несколько особенно важных узловых точек на карте исследований, миновать которые авторам было просто невозможно. Так, работая на Северном Урале, вряд ли возможно не остаться в памяти кого-то из жителей г. Ивделя. Как раз там живет с 1930-х годов один из старейших краеведов Урала, почётный член Уральского орнитологического общества О.В.Штраух. Там же, в заповеднике “Денежкин Камень”, несколько лет проработал В.А.Сысоев. Там регулярно бывает и общается с охотниками Г.В.Бойко. В Ирбитском районе Г.Н.Бачурин знает практически всех охотников и других “лесных людей”, он сам — и охотник, и работник лесного хозяйства. Но в памяти его знакомых обсуждаемые “орнитологи” не оставили никаких следов. Избороздив область густой сетью маршрутов, они ухитрились оставаться невидимками.

Еще об Ирбитском районе, где Г.Н.Бачурин занимается орнитологией вот уже около 30 лет. Отметим несколько странных вещей. И.В. и К° нашли под Ирбитом гнездящейся садовую овсянку, которая там даже не встречена, обозначили никогда не существовавшее гнездо беркута на р. Нице. Но не нашли там бородатых неясителей, которых Г.Н.Бачурин “развёл” там в большом числе, специально сооружая для них гнездовые платформы. Большинство сроков фенологических явлений (сроки прилёта, размножения и т.п.), указанных авторами, сильно “сдвинуты” против

обычных для этого района. Это относится к данным по любому району. В Красноуфимске живет один из старейшин любительской орнитологии на Урале Л.С.Зеленцов. Он, пожалуй, мог бы пропустить какую-нибудь пеночку или камышевку в окрестных угодьях, но не заметить гнездящихся у вокзала в течение 6 лет кольчатых горлиц — нет, не мог.

Мы рассмотрели лишь ничтожную часть из приведённых в книге данных. Для полного обзора странностей и явной “липы” понадобилось бы писать многотомную рецензию. Вообще-то, и так большую часть работы мы проделали зря. Достаточно прочитать только некоторые видовые очерки (например, про гаршнепа или корольковую пеночку), чтобы понять, что вся книга, мягко говоря, придумана. Таких “индикаторных” мест в книге немало, и именно по ним многие наши коллеги сразу поняли, что это за книга.

Очевидно, что и авторы книги, очень деликатно выражаясь, люди нечистоплотные. Главный автор, И.В.Карякин, старательно создает в орнитологической среде впечатление о себе как о чрезвычайно, неповторимо, уникально гениальном и невероятно работоспособном орнитологе, который за несколько лет смог сделать больше, чем все уральские и приезжающие на Урал орнитологи до него за всю историю орнитологии. И ведь многие искренне поверили. Иначе не было бы столько, извините, облапошенных “добрых дядей” из различных комитетов и фондов, которые так успешно “доит” И.В.Карякин. “Окучивать фонды” — это его термин. Он умеет показать себя, расположить к себе, хорошо держится на трибуне и в частном разговоре. “Умением нравиться” И.В. владеет великолепно. Пожалуй, именно здесь проявляется его главный талант. Даже некоторые опытейшие полевые орнитологи поверили ему, поддерживали, подписывали доброжелательные рецензии на явную “липу”, старательно не замечая тревожного набата А.И.Шепеля, который давно понял суть и стратегию “исследований” своего прыткого земляка.

А кто же соавторы? Почему их никто из коллег не знает и не видел? Ведь они работали не менее продуктивно, чем сам И.В., значит, они не менее талантливы, усердны, невероятно выносливы физически. Видимо, они столь скромны и самоотверженны, что только собирали материал и отдавали его в копилку И.В.Карякина. Как пишет И.В. в монографиях по хищным птицам и по Челябинской области, С.В. Быстрых, собравший основную массу материала по северу и вообще по Свердловской области (табл. 1), погиб в автокатастрофе 30 сентября 1997 г. во время экспедиции по озёрам степного Зауралья. В той же катастрофе погиб А.А.Козлов, соавтор Карякина по книге “Предварительный кадастр птиц Челябинской области” (1999). Увы, теперь у этих коллег не спросишь, как конкретно они, а не И.В., собирали материал.

Мы пытались найти единственного оставшегося в живых соавтора Карякина — Л.И. Коновалова, чтобы поговорить с ним. Но безуспешно. Найти его нам не удалось. Зато очень продуктивными были наши беседы с самим И.В.Карякиным. Так, выяснилось, что Л.И.Коновалов уехал в Израиль, и потому встретиться с ним не просто. К тому же Коновалов, как заметил И.В., “серьёзный орнитолог”, он не захочет встречаться с

какими-то там уральскими орнитологами и доказывать им свою правоту. Да, ещё И.В. сказал, что Коновалов уехал не один, а вместе со своим эрдельтерьером. Оказывается, именно этот специально обученный пёс нашёл основную массу гнёзд, фигурирующих в книге. Оставим без комментариев принципиальную возможность существования такой собаки, заметим, что не совсем охотничьей породы. Но даже если это правда, как мог помочь эрдельтерьер в поисках нескольких тысяч гнёзд на деревьях, в дуплах? Как успевал один пёс в течение одного сезона работать не только с хозяином, но и С.В.Быстрых, притом в весьма удаленных районах, на севере области? И почему в методическом разделе ни слова не сказано об этой собаке, столь сказочно продуктивной?

Отсутствие доступных для общения соавторов И.В. Карякина неизбежно наводит на вопрос: а существовали ли реально эти соратники, или они придуманы, чтобы объём представленного в книгах материала не казался столь уж неправдоподобным? Или же И.В. специально прячет этих людей, чтобы никто не выведал у них чего-то разоблачающего?

Надо сказать, в беседах довольно часто на один и тот же вопрос И.В. в разное время отвечает совершенно по-разному. Кто хоть немного знаком с детективной литературой, помнит, что повторение вопросов — один из принципов детекции лжи. Тут наш герой классически “сыпался”. Для уральцев, которые слышали публичные доклады И.В.Карякина и беседовали с ним, было очень заметно, что многие ударения в названиях местных городов, рек и озёр он ставит неверно, даже в таком ключевом слове, как Тавда. Он повторяет заученные названия из топографических карт, но совсем не знает местности, где он якобы бывал, не видел самых запоминающихся ориентиров, не помнит самых примечательных мест.

Однако, что же мы всё о плохом? Есть ли хоть что-то хорошее в стиле работы, в подходах И.В.Карякина? Есть. Но как раз это рациональное зерно И.В. в своих работах старательно маскирует. А это — картографический анализ, позволяющий по наличию тех или иных местообитаний прогнозировать гнездование многих видов. На современном этапе этот анализ наиболее быстро и весьма детально можно проводить с помощью компьютеризованных географических информационных систем (ГИС). Полученные прогнозы можно использовать при проведении фаунистических исследований. Вообще-то, выезжая в поле, фаунист уже заранее более или менее точно знает, каких птиц он найдет — исходя из характера местности и предварительного знакомства с литературой, с ареалами. Используя ГИС, можно существенно уточнить прогнозы, вплоть до ожидания гнезда конкретного вида в конкретном месте. К сожалению, И.В. избавил себя от большей части работы на местности и выдал, за небольшими исключениями, результаты компьютерного анализа за полевые материалы. Реальные данные полевого орнитолога И.В.Карякина и его соратников безнадежно утонули в море виртуальной реальности.

Итак, большинству коллег уже совершенно ясно, что книги И.В.Карякина не могут не быть по большей части выдумкой, ложью, подлогом, подтасовкой. В истории отечественной орнитологии (да и мировой, видимо, тоже) ещё никогда не было столь масштабной, многотомной лжи.

Да и сам И.В. должен уже понимать, что явно переборщил со своими фантазиями. Пора раскрываться и каяться. В ситуации, в которую сам себя поставил И.В.Карякин, это может дать крохотный шанс на то, что ему кто-то снова сможет поверить. Честно говоря, таких, видимо, уже будет немного. И.В.Карякин вломился в орнитологическую науку стремительно и бурно. Он вероломно, беспардонно и цинично поправ нравственные устои науки. Он сам себе выдал “волчий билет”. Но он пока и не думает каяться. Напротив, он уверен в своей правоте, точнее, настырно и агрессивно демонстрирует это.

У учёных есть свой неписанный кодекс чести, и важнейший пункт в нём — “Не лги!”. Ложь в подавляющем большинстве случаев рано или поздно обнаруживается. И орнитологическая среда отдаляет от себя лгуна на дистанцию, примерно соответствующую масштабам лжи, а чаще — на гораздо большую, с запасом. В такой ситуации формальный статус автора: его образование, ученая степень, должность и прочее,— не играет решительно никакой роли. И потому мы умышленно не касаемся здесь таких тем, как образование и другие анкетные данные И.В.Карякина.

Пример молодого супермена, в какой бы области деятельности он себя ни проявил, всегда заразителен. И.В.Карякин в свои 26 лет — автор пяти объёмистых монографий. Он умеет добывать деньги на орнитологии, чтобы ею заниматься и чтобы снова делать на ней деньги. Для тщеславных, не имеющих иммунитета ко лжи и стяжательству юношей феномен Карякина — завидный пример. Мы видели, что у Карякина есть идейные последователи. Практически все они — не орнитологи, а так называемые “зелёные”, и потому могут ошибаться в собственно орнитологических вещах, слепо веря своему лидеру. Возможно, кто-то из соратников просто хочет на этом сотрудничестве заработать. А кто-то, возможно, даже искренне верит, что их кумир — непризнанный гений, которого старательно топчут “отжившие свой век бездарные орнитологические зубры, которым за 40” (Так выразился в ответе на рецензию А.И.Шепеля (1999) в электронном послании редактору сборника В.К.Рябицеву молодой почитатель нашего героя, назвавшийся Андреем Готовым.) Очень не хочется, чтобы в нашей симпатичной орнитологической среде появлялись новые “молодые дарования”, подобные И.В. Карякину. С нас достаточно и этого позора.

Литература

- Карякин И.В. 1998а. *Конспект фауны птиц республики Башкортостан*. Пермь: 1-253.
- Карякин И.В. 1998б. *Конспект фауны птиц Пермской области*. Пермь: 1-261.
- Карякин И.В. 1998в. *Пернатые хищники Уральского региона*. Пермь: 1-483.
- Карякин И.В., Быстрых С.В., Коновалов Л.И. 1999. *Орнитофауна Свердловской области*. Новосибирск: 1-391.
- Карякин И.В., Козлов А.А. 1999. *Предварительный кадастр птиц Челябинской области*. Новосибирск: 1-421.
- Морозов В.В. 2000. Рецензия на книгу И.В.Карякина “Конспект фауны птиц республики Башкортостан” // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 98: 17-23.

- Шепель А.И. 1999. Рецензия. И.В.Карякин. Конспект фауны птиц Пермской области. Пермь: Изд-во ЦПИ СОЖУр, 1998 // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 199-206.
- Шепель А.И., Коровин В.А., Рябицев В.К., Шураков А.И., Давыгора А.В., Захаров В.Д. 2000. Рецензия. Карякин И.В. Пернатые хищники Уральского региона. Соколообразные (Falconiformes), Совообразные (Strigiformes). Пермь: Центр полевых исследований Союза охраны животных Урала / Социально-экологический союз. 1998. 483 с. // *Орнитология* 29 (в печати).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2000, Экспресс-выпуск 117: 17-26

Ревизия трясогузковых Motacillidae авифауны России

Н.Н.Балацкий

Новосибирский областной краеведческий музей, Новосибирск, 630004, Россия

Поступила в редакцию 22 февраля 1999

Россию и сопредельные государства населяют около 30 видов Motacillidae (Дементьев 1937; Гладков 1954; Портенко 1960; Нейфельдт 1960; Гаврилов 1970; Степанян 1978, 1983, 1990). В системе птиц трясогузковые размещены в подсемействах коньков Anthinae и трясогузок Motacillinae. Однако сведение всех видов лишь в рода *Anthus* и *Motacilla* видится необоснованным, так как прижизненные признаки многих видов из них неадекватны признакам типовых видов очерченных родов.

Ниже проведена таксономическая ревизия трясогузковых птиц на основе прижизненных признаков (Нейфельдт 1970, 1972; Балацкий 1995) с использованием выше перечисленной литературы в отношении морфологии и ареалов птиц этой группы. Автор искренне благодарен коллегам-орнитологам В.К.Рябицеву и В.С.Жукову за предоставленные сведения по биологии коньков севера Западной Сибири.

Семейство Motacillidae

Диагноз. Птицы мелких размеров, стройного удлинённого телосложения. Клюв шиловидный, тонкий, умеренной длины, прямой. Ноздри овальные, открытые, над ними нависают перепончатые крышечки. В углах рта небольшие щетинки. Крыло длинное, двухвершинное, первостепенных маховых 10, но 1-е сильно редуцировано. Внешнюю вершину образуют 2-е и 3-е первостепенные маховые, а внутреннюю — 1-е т.н. третьестепенное маховое перо. Хвост длиннее или несколько короче крыла, состоит из 12 рулевых перьев. Рулевые остроконечные, крайние несколько укорочены и имеют широкие белые поля-клинья на опахалах. Ноги тонкие, умеренной длины, плюсна покрыта щитками. Коготь зад-

него пальца, как правило, развит и спрямлён. В окраске оперения бурые, серые, охристые, жёлтые или чёрно-белые тона. Над глазом светлая бровь. Радужина коричневая. Половой диморфизм взрослых особей слабо выражен через окраску оперения или величину тела.

Предпочитают открытые пространства с низкой растительностью в различных ландшафтах, где гнездятся и добывают пищу — беспозвоночных животных. Хорошо бегают по земле и по веткам деревьев. Полёт волнообразный. Постоянно покачивают хвостом. Пение громкое, нередко продолжительное, в дневное время суток. Песня детерминирована, включает мелодичные звуки. Для многих видов характерен токовый полёт. Позывка короткая, звучная, с металлическим оттенком. Гнездо укрыто, на земле, реже открыто, на дереве. Гнездовая постройка простая по архитектуре, чашеобразная и строится из травянистых стебельков, волоса млекопитающих, реже перьев. Кладка из 5-7 пёстрых яиц. В окраске и рисунке скорлупы нередко наблюдается полиморфизм. У птенцов развит эмбриональный пух на 6-11 пуховых птерилиях, включая основные (надглазничная, затылочная, спинная, плечевая, локтевая) и дополнительные. Окраска тела птенцов преимущественно одноцветная, розоватая. Полость рта (зев) розовая или оранжевая, небольшие клювные валики светло-жёлтые. Язык без пятен (или пятна слабо выражены) с беловатым задним краем. Самцы не имеют наседного пятна, но у некоторых видов участвуют в инкубации. Перелётные птицы. Виды широко распространены в Европе, Азии, Африке, а некоторые населяют Северную Америку и Австралию.

Семейство Motacillidae включает три подсемейства: коньков Anthinae, трясогузок Motacillinae и древесных трясогузок Dendronanthinae subfam. n.

Подсемейство Anthinae

Хвост короче крыла. В окраске оперения бурые, серые или охристые тона. На темени, спине, боках и других участках тела часто присутствуют тёмно-бурые или иного цвета с чёткими или размытыми краями пестрины, полосы или штрихи. Над глазом хорошо выражена светлая бровь. Покачивают хвостом в вертикальной плоскости.

Гнездовая постройка рыхлая с частым отсутствием специальной выстилки. гнездо располагается всегда на земле под прикрытием растений или камня. Эмбриональный пух у птенцов на 9 пуховых птерилиях. Молодые птицы с пестринами.

Таксономические замечания. Сложная в таксономическом отношении группа из-за однородности в морфологии и окраске. На основе дифференциального анализа базовых признаков (оология, птенцы), особенностей брачного поведения, морфологии и окраски перьевого покрова, конькам возвращены родовые имена: степных коньков *Corydalla* Vigors, 1825; полевых коньков *Agrodroma* Swainson, 1837; лесных и горных коньков *Pipastes* Kaup, 1829; луговых коньков *Anthus* Bechstein, 1805. Таксоны *Pipastes* и *Anthus* являются, вероятно, неоднородными и в дальнейшем нуждаются в разукрупнении. Повышен статус некоторых таксонов с подвидового до видового ранга на основании чётких морфологических

признаков и аллопатричности: ширококлювый конёк *Pipaster haringtoni* (Witherby), status n.; конёк Мензбира *Anthus menzbieri* Shulpin, status n.

Род *Corydalla* Vigors, 1825

Диагноз. Крупные коньки. В окраске светлые тона и мало пестрин. Маховые перья светло-бурые с каймой глинистого цвета. Рулевые окрашены различно: центральная пара светло-бурой окраски с охристой каймой; наружные две пары — белые с тёмными клиньями на внутренних опахалах; остальные — чёрные. Задний коготь спрямлён, заметно длиннее пальца. Длина крыла 85-105 мм, длина хвоста 65-85 мм, длина плюсны 26-33 мм, длина клюва 12-15 мм, длина когтя заднего пальца 12-21 мм, масса тела 23-40 г.

Населяют степи или открытые слабо увлажнённые участки местности на равнине. Характерен многовершинный токовый полёт с громкими отрывистыми звуками по окружности над гнездовым участком. Голос — короткое “*prip*”. Скорлупа яиц светло-охристая с рисунком из многочисленных мелких глинисто-серых крапинок и пятен, распределённых по всей поверхности скорлупы. Птенец покрыт рыжевато-серым двуцветным пухом, зев жёлтый, клювные валики бледно-жёлтые, на языке два тёмно-розовых пятна. Окраска тела розовая снизу и розовато-серая сверху.

Виды широко распространены в Восточном полушарии от южной окраины Сибири до Африки и Австралии включительно.

Типовой вид. Vigors: Zool. J. II, 1825, p. 397, тип — *Anthus richardi* Vieillot.

Дифференциальный анализ. Виды, входящие в род *Corydalla*, отличаются от других коньков более крупными размерами тела, крыла, плюсны (более 26 мм). Коготь заднего пальца длиннее самого пальца и значительно выпрямлен. Птенцы имеют двуцветную окраску пуха и тела.

Таксономические замечания. В родовую группу *Corydalla* входят *C. richardi* (Vieillot), *C. godlewskii* Taczanowski, *C. sinensis* Bonaparte, *C. novaeseelandiae* (Gmelin). Забайкалье и Якутию населяет *C. richardi dauricus* (Johansen).

Род *Agrodroma* Swainson, 1837

Диагноз. Среднего размера коньки. В окраске светлые тона и мало пестрин. Маховые светло-бурые с широкой каймой охристого цвета. Рулевые окрашены различно: центральная пара светло-бурая с охристой каймой; наружные две пары — белые с тёмными клиньями на внутренней части опахала; остальные — тёмно-бурые. Задний коготь спрямлён, примерно одинаковой длины с пальцем. Длина крыла 80-95 мм, длина хвоста 65-80 мм, длина плюсны 22-28 мм, длина клюва 10-13 мм, длина когтя заднего пальца 8-11 мм, масса тела 20-28 г.

Населяют степи и открытые участки местности с редким кустарником на равнинах и в горах. Характерен волнообразный с небольшой амплитудой токовый полёт с песней по прямой линии над гнездовым участком. Голос — отрывистое “*дву*”. Скорлупа яиц охристо-белая с рисунком из многочисленных мелких тёмно-серых и бурых пятнышек. Птенец покрыт тёмно-серым пухом, зев оранжевый, клювные валики бледно-жёлтые.

Виды распространены в Центральной и Восточной Европе, на юге Сибири, в Средней Азии и на сопредельных территориях.

Типовой вид. Swainson: *Classific. Birds* II, 1837, p. 125, тип — *Alauda campestris* Linnaeus.

Дифференциальный диагноз. Полевые коньки *Agrodroma* хорошо отличаются от видов *Pipaster* и *Anthus* большими размерами, светлой окраской оперения, птенцовыми признаками и оологией; от близких видов *Corydalla* — коротким когтем заднего пальца и птенцовыми признаками.

Таксономические замечания. На основе окраски и морфометрии особей, а также особенностей распространения, в родовую группу *Agrodroma* входит политипичный полевой конёк *A. campestris* (Linnaeus), один из горных подвидов которого — туркестанский (полевой) конёк *A. campestris griseus* (Nicoll), возможно, самостоятельный вид.

Род *Pipastes* Kaup, 1829

Диагноз. Среднего размера коньки. В окраске преобладают светло-бурые тона, и развит рисунок. На спине рисунок нечёткий, часто размытый. Надхвостье однотонное. Маховые бурые с широкой каймой оливково-охристого цвета. Рулевые окрашены различно: центральная пара светло-бурая с охристой каймой; на наружной паре — белое клиновидное пятно на внутренней части опахала; на конце рулевых второй от наружного края пары — небольшое светлое пятно; остальные рулевые перья бурые. Брюхо белое, не сходное по окраске с грудью. Когти на ногах слабо развиты, задний коготь изогнут и короче самого пальца. Длина крыла 75-95 мм, длина хвоста 55-70 мм, длина плюсны 20-25 мм, длина клюва 9-14 мм, длина когтя заднего пальца 7-9 мм, масса тела 18-28 г.

Населяют лесные и открытые участки местности на равнине и в горах. Характерен одновершинный токовый полёт с пением по прямой линии над гнездовым участком или с одного дерева на другое. Голос — металлическое “цыканье”. Окраска скорлупы яиц полиморфная. Фон от зеленоватого до розового. Чёткий рисунок из многочисленных мелких тёмных и бурых крапин или редких пятнышек, а также коротких извилистых линий. Птенец покрыт тёмно-серым пухом (более тёмным на голове), зев оранжевый, клювные валики бледно-жёлтые.

Виды распространены в Евразии и на сопредельных территориях.

Типовой вид. Kaup: *Skizz. Entwick. Nat. Syst.*, 1829, p. 33, тип — *Alauda trivialis* Linnaeus.

Дифференциальный анализ. Коньки *Pipastes* хорошо отличаются от видов *Corydalla* и *Agrodroma* меньшими размерами, тёмной окраской оперения с выраженным рисунком, птенцовыми признаками и оологией; от близких видов *Anthus* — коротким изогнутым когтем заднего пальца, широким и высоким клювом, размытым рисунком на теле и отсутствием пятен на надхвостье.

Таксономические замечания. На основе окраски и морфометрии особей, в родовую группу *Pipastes* входят лесные — *P. trivialis* (Linnaeus),

P. hodgsoni (Richmond), *P. haringtoni* (Witherby) status n. и горные коньки — *P. spinoletta* (Linnaeus), *P. rubescens* (Tunstall).

Род *Anthus* Bechstein, 1805

Диагноз. Среднего размера коньки. В окраске преобладают тёмно-бурые тона, и развит чёткий рисунок, в том числе и на надхвостье. Маховые тёмно-бурые с широкой светлой каймой. Рулевые окрашены различно: центральная пара тёмно-бурая со светлой каймой; на наружной паре — белое клиновидное пятно на внутренней части опахала; на конце рулевых предпоследней от центра пары — небольшое светлое пятно; остальные рулевые перья чёрные. Брюхо окрашено сходно с грудью. Когти развиты, задний коготь спрямлён и длиннее самого пальца. Длина крыла 70-90 мм, длина хвоста 50-65 мм, длины плюсны 20-25 мм, длина клюва 10-13 мм, длина когтя заднего пальца 10-14 мм, масса тела 15-25 г.

Населяют открытую сырую местность на равнинах. Образуют скученные поселения. Характерен токовый полёт с продолжительной песней по прямой дуге над гнездовым участком. Голос — протяжный одно- или двусложный звук. Скорлупа яиц бледно-серая с чётким рисунком из тёмно-бурых крапин и пятен, а также коротких извилистых линий. Птенец покрыт тёмно-серым пухом, зев оранжево-красный, клювные валики жёлтые.

Виды распространены в Евразии и на сопредельных территориях.

Типовой вид. Bechstein: Gemein. Naturgesch. Deutschlands, 1805, II, s. 302, тип — *Alauda pratensis* Linnaeus.

Дифференциальный анализ. Луговые коньки *Anthus* хорошо отличаются от видов *Corydalla* и *Agrodroma* меньшими размерами, тёмным оперением, птенцовыми признаками и оологией; от близких видов *Pipastes* — длинным саблевидным когтем заднего пальца, тонким уплощённым клювом и чётким рисунком из пятен на теле, включая надхвостье.

Таксономические замечания. В родовую группу *Anthus* входят луговые коньки *A. pratensis* (Linnaeus), *A. cervinus* (Pallas), *A. gustavi* Swinhoe, *A. menzbieri* Shulpin status n.

Подсемейство Motacillinae

Хвост длиннее крыла. В окраске оперения чёрно-белые, жёлтые, серые и охристые тона. На спине и других участках тела отсутствуют тёмно-бурые или иного цвета пестрины. Над глазом светлая бровь не выражена. Покачивают хвостом в вертикальной плоскости.

Гнездовая постройка плотная, в лотке часто присутствуют шерсть, волос, перья. Гнездо располагается на земле под прикрытием растений или камня, реже в различных нишах над землёй. У птенцов эмбриональный пух присутствует на 6-8 пуховых птерилиях. Молодые птицы без пестрин.

Таксономические замечания. Древесные трясогузки *Dendronanthus* Blyth, 1844 отделены от настоящих трясогузок Motacillinae в самостоятельное подсемейство Dendronanthinae subfam. n. У них совершенно иное строение клюва, рулевых и маховых перьев, поведение и образ жизни, устройство гнезда, оология, эмбриональное опушение птенца.

На основе дифференциального анализа базовых (оология, птенцы) и прижизненных признаков трясогузкам возвращены родовые имена: белых трясогузок *Motacilla* Linnaeus, 1758; горных трясогузок *Calobates* Kaup, 1829; жёлтых трясогузок *Budytes* Cuvier, 1817.

На основании чётких морфологических признаков, особенностей окраски пера взрослых и молодых птиц и аллопатрии возвращён статус вида следующим таксонам: очковой трясогузке *Motacilla ocularis* Swinhoe, байкальской трясогузке *M. baicalensis* Swinhoe, китайской трясогузке *M. leucopsis* Gould.

Род *Motacilla* Linnaeus, 1758

Диагноз. Среднего размера трясогузки. В окраске чёрно-бело-серые тона. На зобе буровато-серое или чёрное пятно. Маховые перья светло-бурые с широкими каёмками охристого цвета. Рулевые окрашены различно: наружная пара белая или с тёмными клиньями на внутренних частях опахала, следующая пара белая с тёмными клиньями, а остальные — тёмно-бурые. Ноги и короткие когти чёрные. Задний коготь изогнут, примерно одинаковой длины с пальцем. Длина крыла 80-100 мм, длина хвоста 80-100 мм, длина плюсны 21-25 мм, длина клюва 10-14 мм, длина когтя заднего пальца 5-7 мм, масса тела 20-30 г.

Населяют открытые участки местности с редким кустарником на равнинах и в горах, преимущественно у водоёмов. Характерен волнообразный токовый полёт над гнездовым участком. Скорлупа яиц белая с чётким рисунком из многочисленных мелких тёмно-серых или бурых пятнышек. Птенец покрыт тёмно-серым эмбриональным пухом (более тёмным на голове), расположенным на 8 пуховых птерилиях, включая голennую, зев оранжевый, клювные валики жёлтые.

Широко распространены в Евразии, Африке и сопредельных регионах.

Типовой вид. Linnaeus: Syst. Natur., 1758, X, с. 184, тип — *Motacilla alba* Linnaeus.

Дифференциальный анализ. Белые трясогузки *Motacilla* хорошо отличаются от видов *Calobates* отсутствием жёлтого цвета в окраске, чёрными ногами, окраской рулевых, птенцовыми признаками и оологией. От видов *Budytes* — коротким изогнутым когтем заднего пальца, чёрным зобом и птенцовыми признаками.

Таксономические замечания. В родовую группу *Motacilla* входят белые трясогузки *M. alba* Linnaeus, *M. personata* Gould, *M. ocularis* Swinhoe, *M. baicalensis* Swinhoe, *M. lugens* Gloder, *M. leucopsis* Gould, *M. grandis* Sharpe.

Род *Calobates* Kaup, 1829

Диагноз. Среднего размера трясогузки. В окраске жёлтые, голубовато-серые, чёрные и бурые тона. Горло у самцов чёрное. Первостепенные маховые светло-бурые с широкими охристыми каёмками. На третьестепенных маховых имеются белые клинья. Рулевые окрашены различно: наружная пара — белая, следующие две пары — белые с тёмными клинь-

ями на внутренних частях опахала, остальные — тёмно-бурые. Ноги и короткие когти светло-бурые. Задний коготь изогнут, примерно одинаковой длины с пальцем. Длина крыла 80-90 мм, длина хвоста 85-105 мм, длина плюсны 20-22 мм, длина клюва 10-12 мм, длина когтя заднего пальца 5-7 мм, масса тела 15-20 г.

Населяют лесные участки в горах, реже на равнине по берегам рек. Характерен волнообразный токовый полёт над гнездовым участком. Окраска скорлупы яиц палевая с нечётким рисунком из многочисленных мелких тёмно-серых и бурых пятнышек. Птенец покрыт охристо-серым эмбриональным пухом, расположенным на 6 птерилиях, включая бедренные. Полость рта оранжевая, клювные валики светло-жёлтые.

Распространены в Евразии, Африке и на сопредельных территориях.

Типовой вид. Kaup: Skizz. Entwick. Nat. Syst., 1829, s. 33, тип — *Motacilla melanope* Pallas.

Дифференциальный диагноз. Горные трясогузки *Calobates* хорошо отличаются от видов *Motacilla* наличием жёлтого цвета в оперении, светло-бурыми ногами, окраской рулевых, птенцовыми признаками и оологией. От видов *Budytes* — коротким изогнутым когтем заднего пальца, длинным хвостом, чёрным горлом у самцов, птенцовыми признаками.

Таксономические замечания. В монотипичный род *Calobates* входит горная трясогузка *C. cinerea* (Tunstall), включающая 5-6 подвидов, из которых 3 распространены на территории России.

Род *Budytes* Cuvier, 1817

Диагноз. Среднего размера трясогузки. В окраске жёлтые, зелёные, голубовато-серые и бурые тона. Горло светлое, желтоватое. Маховые светло-бурые с широкими охристыми каёмками. Рулевые окрашены различно: наружные две пары белые с тёмными клиньями на внутренних частях опахала; остальные тёмно-бурые. Ноги и когти тёмно-бурые. Когти хорошо развиты, задний коготь спрямлён и длиннее пальца. Длина крыла 75-95 мм, длина хвоста 65-85 мм, длина плюсны 22-28 мм, длина клюва 10-14 мм, длина когтя заднего пальца 9-14 мм, масса тела 15-25 г.

Виды населяют открытые заболоченные участки местности с редким кустарником на равнине и в горах. Характерен токовый полёт над гнездовым участком. Гнездящиеся пары часто образуют рыхлые поселения. Окраска скорлупы яиц охристая или голубоватая с нечётким рисунком из многочисленных мелких тёмно-серых и бурых пятнышек. Птенец покрыт охристо-серым эмбриональным пухом, расположенным на 6 птерилиях, включая глазничную. Полость рта оранжевая, клювные валики жёлтые.

Виды широко распространены в Евразии, северо-западной Африке, на Аляске и сопредельных территориях.

Типовой вид. Cuvier: Regne Anim., I, 1817, p. 371, тип — *Motacilla flava* Linnaeus.

Дифференциальный диагноз. Жёлтые трясогузки *Budytes* хорошо отличаются от видов *Motacilla* и *Calobates* длинным слабоизогнутым когтем заднего пальца, светлым горлом и зобом, птенцовыми признаками.

Таксономические замечания. Таксономически сложная группа птиц. Особенно группа жёлтых трясогузок *Budytes flava* с её многочисленными подвидами. Некоторым из них уже возвращён ранг вида (*B. feldegg*, *B. lutea*, *B. taivana*). Мной группа жёлтых трясогузок дифференцирована на западнопалеарктических жёлтых трясогузок (светлоголовые виды *flava*) и восточнопалеарктических жёлтых трясогузок (тёмноголовые виды *plexa*). В родовую группу *Budytes* входит также *B. citreola*.

Подсемейство *Dendronanthinae* subfam. n.

Хвост короче крыла, конец выемчатый. В окраске оперения чёрно-белые и оливково-серые тона. На спине и других участках тела отсутствуют тёмно-бурые или иного цвета пестрины. Над глазом светлая бровь. Движения хвоста из стороны в сторону, в горизонтальной плоскости.

Гнездовая постройка очень плотная. Гнездо располагается открыто на дереве. Короткий эмбриональный пух у птенцов располагается на 11 птерилиях, включая копчиковую и кистевую. Молодые птицы без пестрин.

Род *Dendronanthus* Blyth, 1844

Диагноз. Среднего размера трясогузки. Клов сильно сдвоен с боков, на конце с маленьким крючком и выемкой перед ним. Хвост короче крыла, средняя пара рулевых укорочена и имеет заострённые концы. Вершину крыла образуют 2-е, 3-е и 4-е первостепенные маховые перья. В окраске чёрно-белые и оливково-серые тона. Окраска спины и надхвостья одинаковая, однотонная. Низ тела и горло светлые. Горло снизу окаймлено чёрной поперечной полосой. По бокам груди по чёрному пятну. Маховые чёрные. Поперёк крыла проходят три светлые полосы. Рулевые окрашены различно: центральная пара буровато-серая; две наружные пары — белые с чёрными клиньями и желтовато-серыми внешними частями опахала; остальные — чёрные. Ноги светлые — бурые. Когти неразвиты, задний коготь изогнут и короче самого пальца. Длина крыла 75-80 мм, длина хвоста 65-70 мм, длина плюсны 20-22 мм, длина клюва 11-13 мм, длина когтя заднего пальца 5-7 мм, масса тела от 15 до 20 г.

Населяют светлые лиственные леса на равнинах. Держатся на деревьях, бегая в поисках насекомых по толстым ветвям. Токовый полёт не выражен. Голос — протяжный одно- или двусложный звук. Гнездовая постройка аккуратная, чашеобразная, расположенная на горизонтальной ветви дерева. Гнездо строится из стебельков растений, мха, шерсти и волоса. Снаружи инкрустировано лишайником. Окраска яиц серая с чётким рисунком из бурых крапин и пятен. Птенец покрыт золотисто-серым коротким пухом, зев оранжево-жёлтый, язык жёлтый с сероватым задним краем, клювные валики светло-жёлтые.

Единственный вид распространён в Приморье и Юго-Восточной Азии.

Типовой вид. Blyth: Ann. nd Mag. Nat. Hist., 13, 1844, p. 116, тип — *Motacilla indica* Gmelin.

Таксономическая структура семейства Motacillidae

Подсемейство Anthinae

Род *Corydalla* Vigors, 1825

C. richardi richardi (Vieillot, 1818) — Степной конёк

C. richardi dauricus (Johansen, 1952)

C. sinensis Bonaparte, 1850 — Китайский конёк

C. godlewskii Taczanowski, 1876 — Конёк Годлевского

Род *Agrodroma* Swainson, 1837

A. campestris campestris (Linnaeus, 1758) — Полевой конёк

A. campestris boehmii (Portenko, 1960)

A. (campestris) griseus (Nicoll, 1920)

Род *Pipastes* Kaup, 1829

P. hodgsoni hodgsoni (Richmond, 1907) — Зелёный конёк

P. hodgsoni yunnanensis (Uchida et Kuroda, 1916)

P. trivialis (Linnaeus, 1758) — Лесной конёк

P. haringtoni (Witherby, 1917) status n. — Ширококлювый конёк

P. spinoletta spinoletta (Linnaeus, 1758) — Горный конёк

P. spinoletta littoralis (C.L.Brehm, 1823)

P. spinoletta coutellii (Audouin, 1828)

P. spinoletta blakistoni (Swinhoe, 1863)

P. rubescens rubescens (Tunstall, 1771) — Американский конёк

P. rubescens japonicus (Temminck et Schlegel, 1847)

Род *Anthus* Bechstein, 1805

A. gustavi Swinhoe, 1863 — Сибирский конёк

A. menzbieri Shulpin, 1928 status n. — Конёк Мензбира

A. pratensis (Linnaeus, 1758) — Луговой конёк

A. cervinus cervinus (Pallas, 1811) — Краснозобый конёк

A. cervinus rufogularis C.L.Brehm, 1824

Подсемейство Motacillinae

Род *Motacilla* Linnaeus, 1758

M. alba alba Linnaeus, 1758 — белая трясогузка

M. alba dukhunensis Sykes, 1832

M. personata Gould, 1861 — Маскированная трясогузка

M. ocularis Swinhoe, 1860 — Очковая трясогузка

M. baicalensis Swinhoe, 1871 — Байкальская трясогузка

M. lugens Gloger, 1829 — Камчатская трясогузка

M. leucopsis Gould, 1838 — Китайская трясогузка

M. grandis Sharpe, 1885 — Японская трясогузка

Род *Calobates* Kaup, 1829

C. cinerea cinerea (Tunstall, 1771) — Горная трясогузка

C. cinerea melanope (Pallas, 1776)

C. cinerea robusta (C.L.Brehm, 1857)

Род *Budytes* Cuvier, 1817

- B. flava flava* (Linnaeus, 1758) — Жёлтая трясогузка
B. flava beema Sykes, 1832
B. plexa plexa Thayer et Bangs, 1914 — Восточносибирская трясогузка
B. plexa thunbergi (Billberg, 1828)
B. plexa tschutschensis (J.F.Gmelin, 1789)
B. plexa macronyx Stresemann, 1920
B. feldegg feldegg (Michahelles, 1830) — Черноголовая трясогузка
B. feldegg zaissanensis Polyakov, 1911 comb. n.
B. feldegg melanogrisea Homeyer, 1878
B. taivana Swinhoe, 1863 — Зеленоголовая трясогузка
B. lutea (S.G.Gmelin, 1774) — Желтолобая трясогузка
B. lutea leucocephala Przevalski, 1887 comb. n.
B. citreola citreola (Pallas, 1776) — Желтоголовая трясогузка
B. citreola werae Buturlin, 1907
B. citreola quassatrix Portenko, 1960
B. citreola calcarata (Hodgson, 1836)

Подсемейство *Dendronanthinae* subfam. n.

Род *Dendronanthus* Blyth, 1844

D. indicus (Gmelin, 1789) — Древесная трясогузка

Литература

- Балацкий Н.Н. 1995. Таксономический аспект классификации воробьинообразных птиц через определение границ таксонов // *Вопросы орнитологии: Тез. докл. к 5-й конф. орнитологов Сибири*. Барнаул: 10-12.
- Гаврилов Э.И. 1970. Семейство Трясогузковые — Motacillidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 286-363.
- Гладков Н.А. 1954. Семейство Трясогузковые Motacillidae // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 594-691.
- Дементьев Г.П. 1937. *Полный определитель птиц СССР*. М.; Л., 4: 1-336.
- Нейфельдт И.А. 1960. Древесная трясогузка [*Dendronanthus indicus* (Gm.)] в лесах верхнего Приамурья // *Докл. АН СССР* 132, 4: 957-960.
- Нейфельдт И.А. 1970. Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц // *Орнитологический сборник к 100-летию со дня рождения академика П.П.Сушкина*. Л.: 111-182.
- Нейфельдт И.А. 1972. Ювенильные признаки воробьиных птиц (Passeriformes) и возможности их использования в систематике // *Зоол. журн.* 51, 12: 1836-1845.
- Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР*. М.; Л., 4: 1-416.
- Степанян Л.С. 1978. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробьинообразные Passeriformes*. М.: 1-392.
- Степанян Л.С. 1983. *Надвиды и виды-двойники в авифауне СССР*. М.: 1-294.
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.

